

Аркадий и Борис Стругацкие

Далёкая Радуга

*Часть сборника
Путь на Амальтею. Далекая
Радуга*

Аркадий и Борис Стругацкие
Далёкая Радуга

«Наследник Стругацких»

1963

Стругацкие А.

Далёкая Радуга / А. Стругацкие — «Наследник Стругацких»,
1963

Человечество на пороге очередного великого открытия. Вот-вот людям станет доступен новый способ перемещения в пространстве – «Нуль-Т», и эксперименты с новым видом энергии уже не умещаются в рамках лаборатории. Для опытов была выбрана далёкая, но всё же достаточно развитая планета Радуга, которая смогла обеспечить учёных необходимым запасом энергии и материалов. Риск был велик, но риск был оправдан. Люди спешили. Спешили шагнуть дальше. И планета не выдержала. Радуга взбесилась и готовится сбросить с себя седока, по ней с двух полюсов всё дальше и дальше разбегаются волны, не оставляющие после себя ничего живого. Но слишком далеко оказалась Радуга, и не всем удастся вовремя покинуть планету. В самый разгар кризиса на планете оказался Леонид Горбовский на корабле «Таризель», дав шанс спастись многим, но поставив людей перед страшным выбором – кому именно?

© Стругацкие А., 1963

© Наследник Стругацких, 1963

Содержание

ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Аркадий и Борис СТРУГАЦКИЕ

ДАЛЕКАЯ РАДУГА

ГЛАВА 1

Танина ладонь, теплая и немного шершавая, лежала у него на глазах, и больше ему ни до чего не было дела. Он чувствовал горько-соленый запах пыли, скрипели спросонок степные птицы, и сухая трава колола и щекотала затылок. Лежать было жестко и неудобно, шея чесалась нестерпимо, но он не двигался, слушая тихое, ровное дыхание Тани. Он улыбался и радовался темноте, потому что улыбка была, наверное, до неприличия глупой и довольной.

Потом не к месту и не ко времени в лаборатории на вышке заверещал сигнал вызова. Пусть! Не первый раз. В этот вечер все вызовы не к месту и не ко времени.

– Робик, – шепотом сказала Таня. – Слышишь?

– Совершенно ничего не слышу, – пробормотал Роберт.

Он помигал, чтобы пощекотать Танину ладонь ресницами. Все было далеко-далеко и совершенно не нужно. Патрик, вечно обалделый от недосыпания, был далеко. Маляев со своими манерами Ледяного Сфинкса был далеко. Весь их мир постоянной спешки, постоянных заумных разговоров, вечного недовольства и озабоченности, весь этот внечувственный мир, где презирают ясное, где радуются только непонятному, где люди забыли, что они мужчины и женщины, – все это было далеко-далеко... Здесь была только ночная степь, на сотни километров одна только пустая степь, поглотившая жаркий день, теплая, полная темных, возбуждающих запахов.

Снова заверещал сигнал.

– Опять, – сказала Таня.

– Пускай. Меня нет. Я помер. Меня съели землеройки. Мне и так хорошо. Я тебя люблю. Никуда не хочу идти. С какой стати? А ты бы пошла?

– Не знаю.

– Это потому, что ты любишь недостаточно. Человек, который любит достаточно, никогда никуда не ходит.

– Теоретик, – сказала Таня.

– Я не теоретик. Я практик. И, как практик, я тебя спрашиваю: с какой стати я вдруг куда-то пойду? Любить надо уметь. А вы не умеете. Вы только рассуждаете о любви. Вы не любите любовь. Вы любите о ней рассуждать. Я много болтаю?

– Да. Ужасно!

Он снял ее руку с глаз и положил себе на губы. Теперь он видел небо, затянутое облаками, и красные опознавательные огоньки на фермах вышки на двадцатиметровой высоте. Сигнал верещал непрерывно, и Роберт представил себе сердитого Патрика, как он нажимает на клавишу вызова, обиженно выпятив добрые толстые губы.

– А вот я тебя сейчас выключу, – сказал Роберт невнятно. – Танек, хочешь, он у меня замолчит навеки? Пусть уж все будет навеки. У нас будет любовь навеки, а он замолчит навеки.

В темноте он видел ее лицо – светлое, с огромными блестящими глазами. Она отняла руку и сказала:

– Давай я с ним поговорю. Я скажу, что я галлюцинация. Ночью всегда бывают галлюцинации.

– У него никогда не бывает галлюцинаций. Такой уж это человек, Танечка. Он никогда себя не обманывает.

– Хочешь, я скажу тебе, какой он? Я очень люблю угадывать характеры по видеофонным звонкам. Он человек упрямый, злой и бестактный. И он ни за какие коврижки не станет сидеть с женщиной ночью в степи. Вот он какой – как на ладони. И про ночь он знает только, что ночью темно.

– Нет, – сказал справедливый Роберт. – Насчет коврижек верно. Но зато он добрый, мягкий и рохля.

– Не верю, – сказала Таня. – Ты только послушай. – Они послушали. – Разве это рохля? Это явный «*tenacet propositi virum*»¹.

– Правда? Я ему скажу.

– Скажи. Пойди и скажи.

– Сейчас?

– Немедленно.

Роберт встал, а она осталась сидеть, обхватив руками колени.

– Только поцелуй меня сначала, – попросила она.

В кабине лифта он прислонился лбом к холодной стене и некоторое время стоял так, с закрытыми глазами, смеясь и трогая языком губы. В голове не было ни единой мысли, только какой-то торжествующий голос бессвязно вопил: «Любит!.. Меня!.. Меня любит!.. Вот вам, вы!.. Меня!..» Потом он обнаружил, что кабина давно остановилась, и попытался открыть дверь. Дверь нашлась не сразу, а в лаборатории оказалось множество лишней мебели: он ронял стулья, сдвигал столы и ударялся о шкафы до тех пор, пока не сообразил, что забыл включить свет. Заливаясь смехом, он нащупал выключатель, поднял кресло и присел к видеофону.

Когда на экране появился сонный Патрик, Роберт приветствовал его по-дружески:

– Добрый вечер, поросенок! И чего это тебе не спится, синичка ты моя, трясогузочка?

Патрик озадаченно глядел на него, часто помаргивая воспаленными веками.

– Что же ты молчишь, песик? Верещал-верещал, оторвал меня от важных занятий, а теперь молчишь!

Патрик наконец открыл рот.

– У тебя... Ты... – Он постучал себя по лбу, и на лице его появилось вопросительное выражение. – А?..

– Еще как! – воскликнул Роберт. – Одиночество! Тоска! Предчувствия! И мало того – галлюцинации! Чуть не забыл!

– Ты не шутишь? – серьезно спросил Патрик.

– Нет! На посту не шутят. Но ты не обращай внимания и приступай.

Патрик неуверенно моргал.

– Не понимаю, – признался он.

– Да где уж тебе, – злорадно сказал Роберт. – Это эмоции, Патрик! Знаешь?.. Как бы это тебе попроще, попонятнее?.. Ну, не вполне алгоритмируемые возмущения в сверхсложных логических комплексах. Воспринял?

– Ага, – сказал Патрик. Он поскреб пальцами подбородок, сосредоточиваясь. – Почему я тебе звоню, Роб? Вот в чем дело: опять где-то утечка. Может быть, это и не утечка, но, может быть, утечка. На всякий случай проверь ульмотроны. Какая-то странная сегодня Волна...

Роберт растерянно посмотрел в распахнутое окно. Он совсем забыл про извержение. Оказывается, я сижу здесь ради извержений. Не потому, что здесь Таня, а потому что где-то там – Волна.

– Что ты молчишь? – терпеливо спросил Патрик.

– Смотрю, как там Волна, – сердито сказал Роберт.

Патрик вытаращил глаза.

¹ «Муж, упорный в своих намерениях» (Гораций).

- Ты видишь Волну?
- Я? С чего ты взял?
- Ты только что сказал, что смотришь.
- Да, смотрю!
- Ну?
- И все. Чего тебе от меня надо?

Глаза у Патрика опять посоловели.

– Я тебя не понял, – сказал он. – О чем это мы говорили? Да! Так ты непременно проверь ульмотроны.

– Ты понимаешь, что говоришь? Как я могу проверить ульмотроны?

– Как-нибудь, – сказал Патрик. – Хотя бы подключения... Мы совсем потерялись. Я тебе объясню сейчас. Сегодня в институте послали к Земле массу... Впрочем, это ты все знаешь. – Патрик помахал перед лицом растопыренными пальцами. – Мы ждали Волну большой мощности, а регистрируется какой-то жиденький фонтанчик. Понимаешь, в чем соль? Жиденький такой фонтанчик... Фонтанчик... – Он придвинулся к своему видеофону вплотную, так что на экране остался только огромный, тусклый от бессонницы глаз. Глаз часто мигал. – Понял? – оглушительно загремело в репродукторе. – Аппаратура у нас регистрирует квази-нуль-поле. Счетчик Юнга дает минимум... Можно пренебречь. Поля ульмотронов перекрываются так, что резонирующая поверхность лежит в фокальной гиперплоскости, представляешь? Квази-нуль-поле двенадцатикомпонентное, и приемник свертывает его по шести четным компонентам. Так что фокус шестикомпонентный.

Роберт подумал о Тане, как она терпеливо сидит внизу и ждет. Патрик все бубнил, приподвигаясь и отодвигаясь, голос его то громыхал, то становился еле слышен, и Роберт, как всегда, очень скоро потерял нить его рассуждений. Он кивал, картинно морщил лоб, подымал и опускал брови, но он решительно ничего не понимал и с невыносимым стыдом думал, что Таня сидит там, внизу, уткнув подбородок в колени, и ждет, пока он закончит свой важный и непостижимый для непосвященных разговор с ведущими нуль-физиками планеты, пока он не выскажет ведущим нуль-физикам свою, совершенно оригинальную точку зрения по вопросу, из-за которого его беспокоят так поздно ночью, и пока ведущие нуль-физики, удивляясь и покачивая головами, не занесут эту точку зрения в свои блокноты.

Тут Патрик замолчал и поглядел на него со странным выражением. Роберт хорошо знал это выражение, оно преследовало его всю жизнь. Разные люди – и мужчины и женщины – смотрели на него так. Сначала смотрели равнодушно или ласково, затем выжидающе, потом с любопытством, но рано или поздно наступал момент, когда на него начинали смотреть вот так. И каждый раз он не знал, что ему делать, что говорить и как держать себя. И как жить дальше.

Он рискнул.

– Пожалуй, ты прав, – озабоченно заявил он. – Однако все это следует тщательно продумать.

Патрик опустил глаза.

– Продумай, – сказал он, неловко улыбаясь. – И не забудь, пожалуйста, проверить ульмотроны.

Экран погас, и наступила тишина. Роберт сидел сгорбившись, вцепившись обеими руками в холодные шероховатые подлокотники. Кто-то когда-то сказал, что дурак, понимающий, что он дурак, уже тем самым не дурак. Может быть, когда-нибудь так оно и было. Но сказанная глупость – всегда глупость, а я никак по-другому не могу. Я очень интересный человек: все, что я говорю, старо, все, о чем я думаю, банально, все, что мне удалось сделать, сделано в позапрошлом веке. Я не просто дубина, я дубина редкостная, музейная, как гетманская булава. Он вспомнил, как старый Ничепоренко поглядел однажды с задумчивостью в его, Роберта,

преданные глаза и промолвил: «Милый Скляр, вы сложены как античный бог. И, как всякий бог, простите меня, вы совершенно не совместимы с наукой...»

Что-то треснуло. Роберт перевел дух и с изумлением уставился на обломок подлокотника, зажатый в белом кулаке.

– Да, – сказал он вслух. – Это я могу. Патрик не может. Ничепоренко тоже не может. Один я могу.

Он положил обломок на стол, встал и подошел к окну. За окном было темно и жарко. Может быть, мне уйти, пока не выгнали? Да только как я буду без них? И без этого удивительного чувства по утрам, что, может быть, сегодня лопнет наконец эта невидимая и непроницаемая оболочка в мозгу, из-за которой я не такой, как они, и я тоже начну понимать их с полуслова и вдруг увижу в каше логико-математических символов нечто совершенно новое, и Патрик похлопает меня по плечу и скажет радостно: «Эт-то здорово! Как это ты?», а Маляев нехотя выдавит: «Умело, умело... Не лежит на поверхности...» И я начну уважать себя.

– Урод, – пробормотал он.

Надо было проверить ульмотроны, а Таня пусть посидит и посмотрит, как это делается. Хорошо еще, что она не видела моей физиономии, когда погас экран.

– Танюшка, – позвал он в окно.

– Ау?

– Танек, ты знаешь, что в прошлом году Роджер ваял с меня «Юность Мира»?

Таня, помолчав, негромко сказала:

– Подожди, я поднимусь к тебе.

Роберт знал, что ульмотроны в порядке, он это чувствовал. Но все же он решил проверить все, что можно было проверить в лабораторных условиях, во-первых, для того, чтобы отдышаться после разговора с Патриком, а во-вторых, потому, что он умел и любил работать руками. Это всегда развлекало его и на какое-то время давало ему то радостное ощущение собственной значимости и полезности, без которого совершенно невозможно жить в наше время.

Таня – милый, деликатный человек – сначала молча сидела поодаль, а потом так же молча принялась помогать ему. В три часа ночи снова позвонил Патрик, и Роберт сказал ему, что никакой утечки нет. Патрик был обескуражен. Некоторое время он сопел перед экраном, подсчитывая что-то на клочке бумаги, потом скатал бумагу в трубочку и по обыкновению задал риторический вопрос. «И что мы по этому поводу должны думать, Роб?» – спросил он.

Роберт покосился на Таню, которая только что вышла из душевой и тихонько присела сбоку от видеофона, и осторожно ответил, что вообще не видит в этом ничего особенного. «Обычный очередной фонтан, – сказал он. – После вчерашней нуль-транспортировки был такой. И на той неделе такой же». Затем он подумал и добавил, что мощность фонтана соответствует примерно ста граммам транспортированной массы. Патрик все молчал, и Роберту показалось, что он колеблется. «Все дело в массе, – сказал Роберт. Он посмотрел на счетчик Юнга и совсем уже уверенно повторил: – Да, сто – сто пятьдесят граммов. Сколько сегодня запустили?..» – «Двадцать килограммов», – ответил Патрик. «Ах, двадцать кило... Да, тогда не получается. – И тут Роберта осенило: – А по какой формуле вы подсчитывали мощность?» – спросил он. «По Драмбе», – безразлично ответил Патрик. Роберт так и думал: формула Драмбы оценивала мощность с точностью до порядка, а у Роберта давно уже была припасена своя собственная, тщательно выверенная и выписанная и даже обведенная цветной рамочкой универсальная формула оценки мощности извержения вырожденной материи. И сейчас, кажется, наступил самый подходящий момент, чтобы продемонстрировать Патрику все ее преимуще-

ства. Роберт уже взялся было за карандаш, но тут Патрик вдруг уплыл с экрана. Роберт ждал, закусив губу. Кто-то спросил: «Ты собираешься выключать?» Патрик не отзывался. К экрану

подошел Карл Гофман, рассеянно-ласково кивнул Роберту и позвал в сторону: «Патрик, ты еще будешь говорить?» Голос Патрика пробубнил издали: «Ничего не понимаю. Придется этим заняться обстоятельно». – «Я спрашиваю, ты разговаривать будешь еще?» – повторил Гофман. «Да нет же, нет...» – раздраженно откликнулся Патрик. Тогда Гофман, виновато улыбаясь, сказал: «Прости, Роба, мы здесь спать укладываемся. Я выключу, а?»

Стиснув зубы так, что затрещало за ушами, Роберт нарочито медленным движением положил перед собой лист бумаги, несколько раз подряд написал заветную формулу, пожал плечами и бодро сказал:

– Я так и думал. Все ясно. Теперь будем пить кофе.

Он был отвратителен себе до последней степени и сидел перед шкафчиком с посудой до тех пор, пока снова не почувствовал себя в состоянии владеть лицом. Таня сказала:

– Кофе свари ты, ладно?

– Почему я?

– Ты вари, а я посмотрю.

– Что это ты?

– Люблю смотреть, как ты работаешь. Ты очень с о в е р ш е н н о работаешь. Ты не делаешь ни одного лишнего движения.

– Как кибер, – сказал он, но ему было приятно.

– Нет. Не как кибер. Ты работаешь совершенно. А совершенное всегда радует.

– «Юность Мира», – пробормотал он. Он был красен от удовольствия.

Он расставил чашки и подкатил столик к окну. Они сели, и он разлил кофе. Таня сидела боком к нему, положив ногу на ногу. Она была замечательно красива, и его опять охватили какое-то щенячье изумление и растерянность.

– Таня, – сказал он. – Этого не может быть. Ты галлюцинация.

Она улыбалась.

– Можешь смеяться сколько угодно. Я и без тебя знаю, что у меня сейчас жалкий вид. Но я ничего не могу с собой поделать. Мне хочется сунуть голову тебе под мышку и вертеть хвостом. И чтобы ты похлопала меня по спине и сказала: «Фу, глупый, фу!...»

– Фу, глупый, фу! – сказала Таня.

– А по спине?

– А по спине потом. И голову под мышку потом.

– Хорошо, потом. А сейчас? Хочешь, я сделаю себе ошейник? Или намордник...

– Не надо намордник, – сказала Таня. – Зачем ты мне в наморднике?

– А зачем я тебе без намордника?

– Без намордника ты мне нравишься.

– Слуховая галлюцинация, – сказал Роберт. – Чем это я могу тебе нравиться?

– У тебя ноги красивые.

Ноги были слабым местом Роберта. У него они были мощные, но слишком толстые. Ноги «Юности Мира» были изваяны с Карла Гофмана.

– Я так и думал, – сказал Роберт. Он залпом выпил остывший кофе. – Тогда я скажу, за что я люблю тебя. Я эгоист. Может быть, я последний эгоист на земле. Я люблю тебя за то, что ты единственный человек, способный привести меня в хорошее настроение.

– Это моя специальность, – сказала Таня.

– Замечательная специальность! Плохо только, что от тебя приходят в хорошее настроение и стар и млад. Особенно млад. Какие-то совершенно посторонние люди. С нормальными ногами.

– Спасибо, Роби.

– В последний раз в Детском я заметил одного мальчика. Зовут его Валя... или Варя... Этаким белобрысым, конопатым, с зелеными глазами.

– Мальчик Варя,– сказала Таня.

– Не придирайся. Я обвиняю. Этот Варя своими зелеными глазами смел на тебя смотреть так, что у меня руки чесались.

– Ревность оголтелого эгоиста.

– Конечно, ревность.

– А теперь представь, как ревнует он.

– Что-о?

– И представь, какими глазами он смотрел на тебя. На двухметровую «Юность Мира». Атлет, красавец, физик-нулевик несет воспитательницу на плече, а воспитательница тает от любви...

Роберт счастливо засмеялся.

– Танюша, как же так? Мы же были тогда одни!

– Это вы были одни. Мы в Детском никогда не бываем одни.

– Да-а...– протянул Роберт.– Помню я эти времена, помню. Хорошенькие воспитательницы и мы, пятнадцатилетние балбесы... Я до того доходил, что бросал цветы в окно. Слушай, и часто это бывает?

– Очень,– задумчиво сказала Таня.– Особенно часто с девочками. Они развиваются раньше. А воспитатели у нас, знаешь, какие? Звездолетчики, герои... Это пока тупик в нашем деле.

Тупик, подумал Роберт. И она, конечно, очень рада этому тупику. Все они радуются тупикам. Для них это отличный предлог, чтобы ломать стены. Так и ломают всю жизнь одну стену за другой.

– Таня,– сказал он.– Что такое дурак?

– Ругательство,– ответила Таня.

– А еще что?

– Больной, которому не помогают никакие лекарства.

– Это не дурак,– возразил Роберт.– Это симулянт.

– Я не виновата. Это японская пословица: «Нет лекарства, которое излечивает дурака».

– Ага,– сказал Роберт.– Значит, влюбленный тоже дурак. «Влюбленный болен, он неисцелим». Ты меня утетила.

– А разве ты влюблен?

– Я неисцелим.

Тучи разошлись и открыли звездное небо. Близилось утро.

– Смотри, вон Солнце,– сказала Таня.

– Где? – спросил Роберт без особого энтузиазма.

Таня выключила свет, села к нему на колени и, прижавшись щекой к его щеке, стала показывать.

– Вот четыре яркие звезды – видишь? Это Коса Красавицы. Левее самой верхней слабая звездочка. Вот там мы с вами, девочки, родились. Я раньше, вы позже. Это наше Солнце. Оленька, правда, родилась здесь, на Радуге, но ее мама и папа родились тоже там. И через год в летние каникулы мы всей группой туда слетаем.

– Ой, Татьяна Александровна! – запищал Роберт. – Мы правда полетим? Ой! Ай! – Он поцеловал ее в щеку. – Ой, как мы все полетим! На Д-сигма-звездолете! А мы все полетим? Ой, а можно я возьму с собой куклу? Ай, а мальчик Варя целуется! – И он поцеловал ее еще раз.

Она обняла его за шею.

– Мои девочки не играют в куклы.

Роберт поднял ее на руки, встал, осторожно обогнул столик и только тогда в зеленоватом сумеречном свете приборов увидел длинную человеческую фигуру в кресле перед рабочим столом. Он вздрогнул и остановился.

– Я думаю, теперь можно включить свет,– сказал человек, и Роберт сразу понял, кто это.

– И появился третий,– сказала Таня.– Пусти-ка меня, Роб.

Она высвободилась и нагнулась, ища упавшую туфлю.

– Знаете что, Камилл,– раздраженно начал Роберт.

– Знаю,– сказал Камилл.

– Чудеса,– проговорила Таня, надевая туфлю.– Никогда не поверю, что у нас плотность населения один человек на миллион квадратных километров. Хотите кофе?

– Нет, благодарю вас,– сказал Камилл.

Роберт включил свет. Камилл, как всегда, сидел в очень неудобной, удивительно неприятной для глаз позе. Как всегда, на нем была белая пластмассовая каска, закрывающая лоб и уши, и, как всегда, лицо его выражало снисходительную скуку, и ни любопытства, ни смущения не было в его круглых немигающих глазах. Роберт, жмурясь от света, спросил:

– Вы хоть недавно здесь?

– Недавно. Но я не смотрел на вас и не слушал, что вы говорите.

– Спасибо, Камилл,– весело сказала Таня. Она причесывалась.– Вы очень тактичны.

– Бестактны только бездельники,– сказал Камилл.

Роберт разозлился.

– Между прочим, Камилл, что вам здесь надо? И что это за надоевшая манера появляться как привидение?

– Отвечаю по порядку,– спокойно произнес Камилл. Это тоже была его манера – отвечать по порядку.– Я приехал сюда потому, что начинается извержение. Вы отлично знаете, Роби,– он даже глаза закрыл от скуки,– что я приезжаю сюда каждый раз, когда перед фронтом вашего поста начинается извержение. Кроме того...– Он открыл глаза и некоторое время молча смотрел на приборы.– Кроме того, вы мне симпатичны, Роби.

Роберт покосился на Таню. Таня слушала очень внимательно, замерев с поднятой расческой.

– Что касается моих манер,– продолжал Камилл монотонно,– то они странны. Манеры любого человека странны. Естественными кажутся только собственные манеры.

– Камилл,– сказала Таня неожиданно.– А сколько будет шестьсот восемьдесят пять умножить на три миллиона восемьсот тысяч пятьдесят три?

К своему огромному изумлению, Роберт увидел, как на лице Камилла проступило нечто похожее на улыбку. Зрелище было жутковатое. Так мог бы улыбаться счетчик Юнга.

– Много,– ответил Камилл.– Что-то около трех миллиардов.

– Странно,– вздохнула Таня.

– Что «странно»? – тупо спросил Роберт.

– Точность маленькая,– объяснила Таня.– Камилл, скажите, почему бы вам не выпить чашку кофе?

– Благодарю вас, я не люблю кофе.

– Тогда до свиданья. До Детского лететь четыре часа. Робик, ты меня проводишь вниз?

Роберт кивнул и с досадой посмотрел на Камилла. Камилл разглядывал счетчик Юнга. Словно в зеркало гляделся.

Как обычно на Радуге, солнце взошло на совершенно чистое небо – маленькое белое солнце, окруженное тройным галосом. Ночной ветер утих, и стало еще более душно. Желто-коричневая степь с проплешинами солончаков казалась мертвой. Над солончаками возникли зыбкие туманные холмики – пары летучих солей.

Роберт закрыл окно и включил кондиционирование, затем не торопясь и со вкусом починил подлокотник. Камилл мягко и бесшумно расхаживал по лаборатории, поглядывая в окно, выходявшее на север. Видимо, ему совсем не было жарко, а Роберту жарко было даже смот-

реть на него – на его толстую белую куртку, на длинные белые брюки, на круглую блестящую каску. Такие каски надевали иногда во время экспериментов нуль-физики: они предохраняли от излучений.

Впереди был целый день дежурства, двенадцать часов палящего солнца над крышей, пока не рассосутся извержения и не исчезнут все последствия вчерашнего эксперимента. Роберт сбросил куртку и брюки и остался в одних трусах. Кондиционирование работало на пределе, и ничего нельзя было сделать.

Хорошо бы плеснуть на пол жидкого воздуха. Жидкий воздух есть, но его мало, и он нужен для генератора. Придется страдать, подумал Роберт покорно. Он снова уселся перед приборами. Как славно, что хотя бы в кресле прохладно и обшивка совсем не липнет к телу!

В конце концов, говорят, что главное – это быть на своем месте. Мое место здесь. И я не хуже других выполняю свои маленькие обязанности. И в конце концов, не моя вина, что я не способен на большее. И, между прочим, дело даже не в том, на месте я или нет. Просто я не могу уйти отсюда, если бы даже и захотел. Я просто прикован к этим людям, которые так меня раздражают, и к этой грандиозной затее, в которой я так мало понимаю.

Он вспомнил, как еще в школе поразила его эта задача: мгновенная переброска материальных тел через пропасти пространства. Эта задача была поставлена вопреки всему, вопреки всем сложившимся представлениям об абсолютном пространстве, о пространстве—времени, о каппа-пространстве... Тогда это называлось «проколом Римановой складки». Потом «гипер-просачиванием», «сигма-просачиванием», «нуль-сверткой». И, наконец, нуль-транспортировкой или, коротко, «нуль-Т». «Нуль-Т-установка». «Нуль-Т-проблематика». «Нуль-Т-испытатель». Нуль-физик. «Где вы работаете?» – «Я нуль-физик». Изумленно-восхищенный взгляд. «Слушайте, расскажите, пожалуйста, что это такое – нуль-физика? Я никак не могу понять». – «Я тоже». Н-да...

В общем-то кое-что рассказать было бы можно. И об этой поразительной метаморфозе элементарных законов сохранения, когда нуль-переброска маленького платинового кубика на экваторе Радуги вызывает на полюсах ее – почему-то именно на полюсах! – гигантские фонтаны вырожденной материи, огненные гейзеры, от которых слепнут, и страшную черную Волну, смертельно опасную для всего живого...

И о свирепых, пугающих своей непримиримостью схватках в среде самих нуль-физиков, об этом непостижимом расколе среди замечательных людей, которым, казалось бы, работать и работать плечом к плечу, но они таки раскололись (хотя знают об этом не многие), и если Этьен Ламондуа упрямо ведет нуль-физику в русле нуль-транспортировки, то школа молодых считает самым важным в нуль-проблеме Волну, этого нового джинна науки, рвущегося из бутылки.

И о том, что по неясным причинам до сих пор никак не удается осуществить нуль-транспортировку живой материи, и несчастные собаки, вечные мученицы, прибывают на финиш комьями органического шлака... И о нуль-перелетчиках, об этой «ревущей десятке» во главе с великолепным Габой, об этих здоровых, сверхтренированных ребятах, которые вот уже три года слоняются по Радуге в постоянной готовности войти в стартовую камеру вместо собаки...

– Скоро мы расстанемся, Роби, – сказал вдруг Камилл.

Задремавший было Роберт встрепенулся. Камилл стоял спиной к нему у северного окна. Роберт выпрямился и провел рукой по лицу. Ладонь стала мокрой.

– Почему? – спросил он.

– Наука. Как это безнадежно, Роби!

– Я это давно знаю, – проворчал Роберт.

– Для вас наука – это лабиринт. Тупики, темные закоулки, внезапные повороты. Вы ничего не видите, кроме стен. И вы ничего не знаете о конечной цели. Вы заявили, что ваша цель – дойти до конца бесконечности, то есть вы попросту заявили, что цели нет. Мера вашего успеха не путь до финиша, а путь от старта. Ваше счастье, что вы не способны реализовать

абстракции. Цель, вечность, бесконечность – это только лишь слова для вас. Абстрактные философские категории. В вашей повседневной жизни они ничего не значат. А вот если бы вы увидели весь этот лабиринт сверху...

Камилл замолчал. Роберт подождал и спросил:

– А вы видели?

Камилл не ответил, и Роберт решил не настаивать. Он вздохнул, положил подбородок на кулаки и закрыл глаза. Человек говорит и действует, думал он. И все это внешние проявления каких-то процессов в глубине его натуры. У большинства людей натура довольно мелкая, и поэтому любые ее движения немедленно проявляются внешне, как правило, в виде пустой болтовни и бессмысленного размахивания руками. А у таких людей, как Камилл, эти процессы должны быть очень мощными, иначе они не пробьются к поверхности. Заглянуть бы в него хоть одним глазком. Роберту представилась зияющая бездна, в глубине которой стремительно проносятся бесформенные фосфоресцирующие тени.

Его никто не любит. Его все знают – нет на Радуге человека, который не знал бы Камилла, – но его никто-никто не любит. В таком одиночестве я бы сошел с ума, а Камилла это, кажется, совершенно не интересует. Он всегда один. Неизвестно, где он живет. Он внезапно появляется и внезапно исчезает. Его белый колпак видят то в Столице, то в открытом море; и есть люди, которые утверждают, что его неоднократно видели одновременно и там и там. Это, разумеется, местный фольклор, но вообще все, что говорят о Камилле, звучит странным анекдотом. У него странная манера говорить «я» и «вы». Никто никогда не видел, как он работает, но время от времени он является в Совет и говорит там непонятные вещи. Иногда его удается понять, и в таких случаях никто не может возразить ему. Ламондуа как-то сказал, что рядом с Камиллом он чувствует себя глупым внуком умного деда. Вообще впечатление такое, будто все физики на планете от Этьена Ламондуа до Роберта Склерава пребывают на одном уровне...

Роберт почувствовал, что еще немного, и он сварится в собственном поту. Он поднялся и направился под душ. Он стоял под ледяными струями, пока кожа от холода не покрылась пупырышками и не пропало желание забраться в холодильник и заснуть.

Когда он вернулся в лабораторию, Камилл разговаривал с Патриком. Патрик морщил лоб, растерянно шевелил губами и смотрел на Камилла жалобно и заискивающе. Камилл скучно и терпеливо говорил:

– Постарайтесь учесть все три фактора. Все три фактора сразу. Здесь не нужна никакая теория, только немного пространственного воображения. Нуль-фактор в подпространстве и обеих временных координатах. Не можете?

Патрик медленно помотал головой. Он был жалок. Камилл подождал минуту, затем пожал плечами и выключил видеофон. Роберт, растираясь грубым полотенцем, сказал решительно:

– Зачем же так, Камилл? Это же грубо. Это оскорбляет.

Камилл снова пожал плечами. Это получалось у него так, будто голова его, придавленная каской, ныряла куда-то в грудь и снова выскакивала наружу.

– Оскорбляет? – сказал он. – А почему бы и нет?

Ответить на это было просто нечего. Роберт инстинктивно чувствовал, что спорить с Камиллом на моральные темы бесполезно. Камилл просто не поймет, о чем идет речь.

Он повесил полотенце и стал готовить завтрак. Они молча поели. Камилл удовольствовался кусочком хлеба с джемом и стаканом молока. Камилл всегда очень мало ел. Потом он сказал:

– Роби, вы не знаете, они отправили «Стрелу»?

– Позавчера, – сказал Роберт.

– Позавчера... Это плохо.

– А зачем вам «Стрела», Камилл?

Камилл сказал равнодушно:
– Мне «Стрела» не нужна.

ГЛАВА 2

На окраине Столицы Горбовский попросил остановиться. Он вылез из машины и сказал:

– Очень хочется прогуляться.

– Пойдемте, – сказал Марк Валькенштейн и тоже вылез.

На прямом блестящем шоссе было пусто, вокруг желтела и зеленела степь, а впереди сквозь сочную зелень земной растительности проглядывали разноцветными пятнами стены городских зданий.

– Слишком жарко, – возразил Перси Диксон. – Нагрузка на сердце.

Горбовский сорвал у обочины и поднес к лицу цветочек.

– Люблю, когда жарко, – сказал он. – Пойдемте с нами, Перси. Вы совсем обрюзгли.

Перси захлопнул дверцу.

– Как хотите. Если говорить честно, я ужасно устал от вас обоих за последние двадцать лет. Я старый человек, и мне хочется немножко отдохнуть от ваших парадоксов. И будьте любезны, не подходите ко мне на пляже.

– Перси, – сказал Горбовский, – поезжайте лучше в Детское. Я, правда, не знаю, где это, но там детишки, наивный смех, простота нравов... «Дядя! – закричат они. – Давай играть в мамонта!»

– Только берегите бороду, – добавил Марк, осклабясь. – Они на ней повиснут.

Перси что-то буркнул себе под нос и умчался. Марк и Горбовский перешли на тропинку и неторопливо двинулись вдоль шоссе.

– Старееет бородач, – сказал Марк. – Вот и мы ему уже надоели.

– Да ну что вы, Марк, – сказал Горбовский. Он вытащил из кармана проигрыватель. – Ничего мы ему не надоели. Просто он устал. И потом он разочарован. Шутка сказать – человек потратил на нас двадцать лет: уж так ему хотелось узнать, как влияет на нас космос. А он почему-то не влияет... Я хочу Африку. Где моя Африка? Почему у меня всегда все записи перепутаны?

Он брел по тропинке следом за Марком, с цветком в зубах, настраивая проигрыватель и поминутно спотыкаясь. Потом он нашел Африку, и желто-зеленая степь огласилась звуками тамтама. Марк поглядел через плечо.

– Выплюньте вы эту дрянь, – сказал он безглаголиво.

– Почему же дрянь? Цветочек.

Тамтам гремел.

– Сделайте хотя бы потише, – сказал Марк.

Горбовский сделал потише.

– Еще тише, пожалуйста.

Горбовский сделал вид, что делает тише.

– Вот так? – спросил он.

– Не понимаю, почему я его до сих пор не испортил? – сказал Марк в пространство.

Горбовский поспешно сделал совсем тихо и положил проигрыватель в нагрудный карман.

Они шли мимо веселых разноцветных домиков, обсаженных сиренью, с одинаковыми решетчатыми конусами энергоприемников на крышах. Через тропинку, крадучись, прошла рыжая кошка. «Кис-кис-кис!» – обрадованно позвал Горбовский. Кошка опрометью бросилась в густую траву и оттуда поглядела дикими глазами. В знойном воздухе лениво гудели пчелы. Откуда-то доносился густой рыкающий храп.

– Ну и деревня, – сказал Марк. – Столица. Спят до девяти...

– Ну зачем вы так, Марк, – возразил Горбовский. – Я, например, нахожу, что здесь очень мило. Пчелки... Киска вон давеча пробежала... Что вам еще нужно? Хотите, я громче сделаю?

– Не хочу,– сказал Марк.– Не люблю я таких ленивых поселков. В ленивых поселках живут ленивые люди.

– Знаю я вас, знаю,– сказал Горбовский.– Вам бы все борьбу, чтобы никто ни с кем не соглашался, чтобы сверкали идеи, и драку бы неплохо, но это уже в идеале... Стойте, стойте! Тут что-то вроде крапивы. Красивая, и очень больно...

Он присел перед пышным кустом с крупными чернополосыми листьями. Марк сказал с досадой:

– Ну что вы тут расселись, Леонид Андреевич? Крапивы не видели?

– Никогда в жизни не видел. Но я читал. И знаете, Марк, давайте я спишу вас с корабля... Вы как-то испортились, избаловались. Разучились радоваться простой жизни.

– Я не знаю, что такое простая жизнь,– сказал Марк,– но все эти цветочки-крапивочки, все эти стежки-дорожки и разнообразные тропиночки – это, по-моему, Леонид Андреевич, только разлагает. В мире еще достаточно неустройства, рано еще перед всей этой буколичкой ахать.

– Неустройства – да, есть,– согласился Горбовский.– Только они ведь всегда были и всегда будут. Какая же это жизнь без неустройства? А в общем-то все очень хорошо. Вот слышите, поет кто-то... Невзирая ни на какие неустройства...

Навстречу им по шоссе вынесся гигантский грузовой атомокар. На ящиках в кузове сидели здоровенные полуголые парни. Один из них, самозабвенно изогнувшись, бешено бил рукой по струнам банджо, и все дружно ревели:

Мне нужна жена,
Лучше или хуже,
Лишь была бы женщиной,
Женщиной без мужа... ²

Атомокар промчался мимо, и волна горячего воздуха на секунду пригнула траву. Горбовский сказал:

– Вам это должно нравиться, Марк. В девять часов люди уже на ногах и работают. А песня вам понравилась?

– Это тоже не то,– упрямо сказал Марк.

Тропинка свернула в сторону, огибая огромный бетонированный бассейн с темной водой. Они пошли через заросли высокой, по грудь, желтоватой травы. Стало прохладнее – сверху нависла густая листва черных акаций.

– Марк,– сказал Горбовский шепотом.– Девушка идет!

Марк остановился как вкопанный. Из травы вынырнула высокая полная брюнетка в белых шортах и коротенькой белой курточке с оторванными пуговицами. Брюнетка с заметным напряжением тянула за собой тяжелый кабель.

– Здравствуйте! – сказали хором Горбовский и Марк.

Брюнетка вздрогнула и остановилась. На лице ее изобразился испуг. Горбовский и Марк переглянулись.

– Здравствуйте, девушка! – рявкнул Марк.

Брюнетка выпустила кабель из рук и понурилась.

– Здравствуйте,– прошептала она.

– У меня такое ощущение, Марк,– сказал Горбовский,– что мы помешали.

² Из «Переводов» С. Я. Маршака.

– Может быть, вам помочь? – галантно спросил Марк.

Девушка смотрела на него исподлобья.

– Змеи, – сказала вдруг она.

– Где? – воскликнул Горбовский с ужасом и поднял одну ногу.

– Вообще змеи, – пояснила девушка. Она оглядела Горбовского. – Видели сегодня восход? – вкрадчиво осведомилась она.

– Мы сегодня видели четыре восхода, – небрежно сказал Марк.

Девушка прищурилась и точно рассчитанным движением поправила волосы. Марк сейчас же представился:

– Валькенштейн. Марк.

– Д-звездолетчик, – добавил Горбовский.

– Ах, Д-звездолетчик, – сказала девушка со странной интонацией. Она подняла кабель, подмигнула Марку и скрылась в траве. Кабель зашуршал по тропинке. Горбовский посмотрел на Марка. Марк смотрел вслед девушке.

– Идите, Марк, идите, – сказал Горбовский. – Это будет вполне логично. Кабель тяжеленный, девушка слабая, красивая, а вы здоровенный звездолетчик.

Марк задумчиво наступил на кабель. Кабель задергался, и из травы донеслось:

– Вытравливай, Семен, вытравливай!..

Марк поспешно убрал ногу. Они пошли дальше.

– Странная девушка, – сказал Горбовский. – Но мила! Кстати, Марк, почему вы все-таки не женились?

– На ком? – спросил Марк.

– Ну-ну, Марк. Не надо так. Это же все знают. Очень славная и милая женщина. Тонкая очень и деликатная. Я всегда считал, что вы для нее несколько грубоваты. Но она, кажется, так не считала...

– Да так, не женился, – сказал Марк неохотно. – Не получилось.

Тропинка снова вывела их к шоссе. Теперь слева тянулись какие-то длинные белые цистерны, а впереди блестел на солнце серебристый шпиль над зданием Совета. Вокруг по-прежнему было пусто.

– Она слишком любила музыку, – сказал Марк. – Нельзя же в каждый полет брать с собой хориолу. Хватит с нас и вашего проигрывателя. Перси терпеть не может музыки.

– В каждый полет, – повторил Горбовский. – Все дело в том, Марк, что мы слишком стары. Двадцать лет назад мы не стали бы взвешивать, что ценнее – любовь или дружба. А теперь уже поздно. Теперь мы уже обречены. Впрочем, не теряйте надежды, Марк. Может быть, мы еще встретим женщин, которые станут для нас дороже всего остального.

– Только не Перси, – сказал Марк. – Он даже не дружит ни с кем, кроме нас с вами. А влюбленный Перси...

Горбовский представил себе влюбленного Перси Диксона.

– Перси был бы отличный отец, – неуверенно предположил он.

Марк поморщился.

– Это было бы нечестно. А ребенку не нужен хороший отец. Ему нужен хороший учитель. А человеку – хороший друг. А женщине – любимый человек. И вообще поговорим лучше о стежках-дорожках.

Площадь перед зданием Совета была пуста, только у подъезда стоял большой неуклюжий аэробус.

– Мне бы хотелось повидаться с Матвеем, – сказал Горбовский. – Пойдемте со мной, Марк.

– Кто это – Матвей?

– Я вас познакомлю. Матвей Вязаницын. Матвей Сергеевич. Он здешний директор. Старый мой приятель, звездолетчик. Еще из десантников. Да вы его должны помнить, Марк. Хотя нет, это было до.

– Ну что ж, – сказал Марк. – Пойдемте. Визит вежливости. Только выключите ваш звук. Неудобно все-таки – Совет.

Директор им очень обрадовался.

– Великолепно! – басил он, усаживая их в кресла. – Это великолепно, что вы прилетели! Молодчина, Леонид! Ах, какой молодец! Валькенштейн? Марк? Ну как же, как же!.. Однако почему вы не лысый? Леонид определенно говорил мне, что вы лысый... Ах да, это он о Диксоне! Правда, Диксон прославлен бородой, но это ничего не значит – я знаю массу бородатых лысых людей! Впрочем, вздор, вздор! Жарко у нас, вы заметили? Леонид, ты плохо питаешься, у тебя лицо дистрофика! Обедаем вместе... А пока позвольте предложить вам напитки. Вот апельсиновый сок, вот томатный, вот гранатовый... Наши собственные! Да! Вино! Свое вино на Радуге, ты представляешь, Леонид? Ну как? Странно, мне нравится... Марк, а вы? Ну, никогда бы не подумал, что вы не пьете вина! Ах, вы не пьете местных вин? Леонид, у меня к тебе тысяча вопросов... Я не знаю, с чего начать, а через минуту я буду уже не человек, а взбесившийся администратор. Вы никогда не видели взбесившегося администратора? Сейчас увидите. Я буду судить, карать, распределять блага! Я буду властвовать, предварительно разделив! Теперь я представляю, как плохо жилось королям и всяким там императорам-диктаторам! Слушайте, друзья, вы только, пожалуйста, не уходите! Я буду гореть на работе, а вы сидите и сочувствуйте. Мне здесь никто не сочувствует... Ведь вам хорошо здесь, правда? Окно я отворю, пусть ветерок... Леонид, ты представить себе не можешь... Марк, вы можете отодвинуться в тень. Так вот, Леонид, ты понимаешь, что здесь происходит? Радуга взбесилась, и это тянется уже второй год.

Он рухнул в застонавшее кресло перед диспетчерским пультом – огромный, дочерна загорелый, косматый, с торчащими вперед, как у кота, усами, – распахнул до самого живота ворот сорочки и с удовольствием посмотрел через плечо на звездолетчиков, прилежно сосавших через соломинки ледяные соки. Усы его задвигались, и он раскрыл было рот, но тут на одном из шести экранов пульта появилась миловидная худенькая женщина с обиженными глазами.

– Товарищ директор, – сказала она очень серьезно. – Я Хагтертон, вы меня, возможно, не помните. Я обращалась к вам по поводу лучевого барьера на Алебастровой горе. Физики отказываются снимать барьер.

– Как так отказываются?

– Я говорила с Родригосом – он, кажется, там главный нулевик? Он заявил, что вы не имеете права вмешиваться в их работу.

– Они морочат вам голову, Элен! – сказал Матвей. – Родригос такой же главный нулевик, как я ромашка-одуванчик. Он сервомеханик и в нуль-проблемах понимает меньше вас. Я займусь им сейчас же.

– Пожалуйста, мы вас очень просим...

Директор, мотая головой, щелкнул переключателями.

– Алебастровая! – гаркнул он. – Дайте Пагаву!

– Слушаю, Матвей.

– Шота? Здравствуй, дорогой! Почему не снимаешь барьер?

– Снял барьер. Почему не снимаю?

– Ага, хорошо. Передай Родригосу, чтобы перестал морочить людям голову, а то я его вызову к себе! Передай, что я его хорошо помню. Как ваша Волна?

– Понимаешь...– Шота помолчал.– Интересная Волна. Так долго рассказывать, потом расскажу.

– Ну, желаю удачи! – Матвей, перевалившись через подлокотник, повернулся к звездолетчикам.– Вот кстати, Леонид! – вскричал он.– Вот кстати! Что у вас говорят о Волне?

– Где у нас? – хладнокровно спросил Горбовский и пососал через соломинку.– На «Тариэле»?

– Ну вот что ты думаешь о Волне?

Горбовский подумал.

– Ничего не думаю,– сказал он.– Может быть, Марк? – Он неуверенно посмотрел на штурмана.

Марк сидел очень прямо и официально, держа бокал в руке.

– Если не ошибаюсь,– сказал он,– Волна – это некий процесс, связанный с нуль-транспортной перевозкой. Я знаю об этом немного. Нуль-транспортная перевозка, конечно, интересует меня, как и всякого звездолетчика,– он слегка поклонился директору,– но на Земле нуль-проблематике не придают особого значения. По-моему, для земных дискретников это слишком частная проблема, имеющая явно прикладное значение.

Директор желчно хохотнул.

– Как это тебе нравится, Леонид? – сказал он.– Частная проблема! Да, видно, слишком далеко от вас наша Радуга, и все, что у нас происходит, кажется вам слишком маленьким. Дорогой Марк, эта самая частная проблема битком набивает всю мою жизнь, а ведь я даже не нулевик! Я изнемогаю, друзья! Позавчера я вот в этом самом кабинете собственноручно разнимал Ламонду и Аристотеля, и теперь я смотрю на свои руки,– он вытянул перед собой мощные загорелые ладони,– и, честное слово, я удивляюсь, как это на них нет укусов и царапин. А под окнами ревели две толпы, и одна гремела: «Волна! Волна!» – а другая вопила: «Нуль-Т!» И вы думаете, это был научный диспут? Нет! Это была средневековая квартирная склока из-за электроэнергии! Помните эту смешную, хотя, признаюсь, не совсем понятную книгу, где человека высекли за то, что он не гасил свет в уборной? «Золотой козел» или «Золотой осел»?.. Так вот, Аристотель и его банда пытались высечь Ламонду и его банду за то, что те прибрали к своим рукам весь резерв энергии... Честная Радуга! Еще год назад Аристотель ходил с Ламонду в обнимку! Нулевик нулевiku был друг, товарищ и брат, и никому в голову не приходило, что увлечение Форстера Волной расколлет планету пополам! В каком мире я живу! Ничего не хватает: энергии не хватает, аппаратуры не хватает, из-за каждого желторотого лаборанта идет бой! Люди Ламонду воруют энергию, люди Аристотеля ловят и пытаются вербовать аутсайдеров – этих несчастных туристов, прилетевших отдохнуть или написать о Радуге что-нибудь хорошее! Совет – Совет!!! – превратился в конфликтный орган! Я попросил прислать мне «Римское право»... Последнее время я читаю одни исторические романы. Честная Радуга! Скоро я заведу здесь полицию и суд присяжных. Я привыкаю к новой, совершенно дикой терминологии. Позавчера я обозвал Ламонду ответчиком, а Аристотеля истцом. Я без запинки произношу такие слова, как юриспруденция и полицейпрезидиум!..

Один из экранов засветился. Появились две круглолицые девочки лет десяти. Одна в розовом платьице, другая в голубом.

– Ну, ты говори! – сказала розовая полупешотом.

– Почему это я, когда договорились, что ты...

– Договорились, что ты!

– Вредная!.. Здравствуйте, Матвей Семенович.

– Сергеевич!..

– Матвей Сергеевич, здравствуйте!

– Здравствуйте, дети,– сказал директор. По лицу его было заметно, что он что-то забыл, а ему напомнили.– Здравствуйте, цыплята! Здравствуйте, мыши!

Розовая и голубая разом зарделись.

– Матвей Сергеевич, мы приглашаем вас в Детское на наш летний праздник.

– Сегодня, в двенадцать часов!..

– В одиннадцать!..

– Нет в двенадцать!

– Приеду! – закричал директор восторженно. – Обязательно приеду! И в одиннадцать приеду и в двенадцать!..

Горбовский допил бокал, налил себе еще, затем лег в кресле, вытянув ноги на середину комнаты, и поставил бокал себе на грудь. Ему было хорошо и уютно.

– Я тоже поеду в Детское, – заявил он. – Мне совершенно нечего делать. А там я скажу какую-нибудь речь. Я никогда в жизни не произносил речей, и мне ужасно хочется попробовать.

– Детское! – Директор снова перевалился через подлокотник. – Детское – это единственное место, где у нас сохраняется порядок. Дети – отличный народ! Они прекрасно понимают слово «нельзя»... О наших нулевиках этого не скажешь, нет! В прошлом году они съели два миллиона мегаватт-часов! В этом – уже пятнадцать и представили заявок еще на шестьдесят. Вся беда в том, что они абсолютно не желают знать слова «нельзя»...

– Мы тоже не знали этого слова, – заметил Марк.

– Дорогой Марк! Мы жили с вами в хорошее время. Это был период кризиса физики. Нам не нужно было больше, чем нам давали. Да и зачем? Ну что у нас было? Д-процессы, электронная структура... Сопряженными пространствами занимались единицы, да и то на бумаге. А сейчас? Сейчас эта безумная эпоха дискретной физики, теория просачивания, подпространство!.. Честная Радуга! Все эти нуль-проблемы! Безусому мальчишке, тонкономому лаборанту на каждый плюгавый эксперимент нужны тысячи мегаватт, уникальнейшее оборудование, которое на Радуге не создашь и которое, между прочим, выходит после эксперимента из строя... Вот вы привезли сотню ульмотронов. Спасибо вам. Но нужно-то их шесть сотен! И энергия... Энергия! Откуда я ее возьму? Вы же не привезли нам энергию! Более того, вам самим нужна энергия. Мы с Канэко обращаемся к Машине: «Дай нам оптимальную стратегию!» Она, бедняга, только руками разводит...

Дверь распахнулась, и стремительно вошел невысокий, очень изящный и красиво одетый мужчина. В гладко зачесанных черных волосах его торчали какие-то репы, неподвижное лицо выражало холодное, сдержанное бешенство.

– Легок на помине... – начал директор, простирая к нему руки.

– Прошу отставки, – звонким металлическим голосом сказал вошедший. – Я считаю, что не способен более работать с людьми, и поэтому прошу отставки. Извините, пожалуйста. – Он коротко поклонился звездолетчикам. – Канэко – план-энергетик Радуги. Бывший план-энергетик.

Горбовский торопливо заскреб ногами по скользкому полу, стараясь подняться и поклониться одновременно. Бокал с соком он при этом поднял над головой и стал похож на пьяного гостя в триклинии у Лукулла.

– Честная Радуга! – сказал директор озабоченно. – Что еще стряслось?

– Полчаса назад Симеон Галкин и Александра Постышева тайно подключились к зональной энергостанции и взяли всю энергию на двое суток вперед. – По лицу Канэко прошла судорога. – Машина рассчитана на честных людей. Мне неизвестна подпрограмма, учитывающая существование Галкина и Постышевой. Факт сам по себе недопустимый, хотя, к сожалению, и не новый для нас. Возможно, я справился бы с ними сам. Но я не дзюдотэ и не акробат. И я работаю не в детском саду. Я не могу допустить, чтобы мне устраивали ловушки... Они замаскировали подключение в густом кустарнике за оврагом, а поперек тропинки натянули

проволеку. Они прекрасно знали, что я должен был бежать, чтобы предотвратить огромную утечку...— Он вдруг замолчал и принялся нервно вытаскивать репы из волос.

— Где Постышева? — спросил директор, наливаясь венозной кровью.

Горбовский сел прямо и с некоторым испугом поджал ноги. На лице Марка был написан живой интерес к происходящему.

— Постышева сейчас будет здесь,— ответил Канэко.— Я тоже уверен, что именно она является инициатором этого безобразия. Я вызвал ее сюда от вашего имени.

Матвей подтянул к себе микрофон всеобщего оповещения и негромко пробасил:

— Внимание, Радуга! Говорит директор. Инцидент с утечкой энергии мне известен. Инцидент разбирается.

Он встал, боком подобрался к Канэко, положил руку ему на плечо и как-то виновато проговорил:

— Ну что же делать, дружище... Я же тебе говорил: Радуга сошла с ума. Терпи, дружище!.. Я тоже терплю. А Постышеву я сейчас взгрею. Она у меня не обрадуется, вот увидишь...

— Я понимаю,— сказал Канэко.— Прошу извинить меня: я был взбешен. С вашего разрешения я отправляюсь на космодром. Самое, пожалуй, неприятное дело сегодня — выдача ульмотронов. Вы знаете, пришел десантник с грузом ульмотронов.

— Да,— сказал директор с чувством.— Я знаю. Вот.— Он уставил квадратный подбородок на звездолетчиков.— Настоятельно рекомендую — мои друзья. Командир «Таризэля» Леонид Андреевич Горбовский и его штурман Марк Валькенштейн.

— Рад,— сказал Канэко, наклонив голову с репьями.

Марк и Горбовский тоже наклонили головы.

— Постараюсь свести повреждения корабля к минимуму,— сказал Канэко без улыбки, повернулся и пошел к двери.

Горбовский с беспокойством посмотрел ему вслед.

Дверь перед Канэко отворилась, и он вежливо шагнул в сторону, уступая дорогу. В дверях стояла давешняя брюнетка в белой курточке с оторванными пуговицами. Горбовский заметил, что шорты ее были прожжены сбоку, а левая рука испачкана копотью. Рядом с нею изящный и подтянутый Канэко казался пришельцем из далекого будущего.

— Извините, пожалуйста,— сказала брюнетка бархатым голоском.— Разрешите войти. Вы меня вызывали, Матвей Сергеевич?

Канэко, отвернув лицо, обошел ее стороной и скрылся за дверью. Матвей вернулся в кресло, сел и уперся руками в подлокотники. Лицо его вновь посинело.

— Ты что думаешь, Постышева,— едва слышно начал он,— я не знаю, чьи это затеи?..

На экране появился розовощекий юноша в кокетливо сдвинутом набок беретике.

— Простите, Матвей Сергеевич,— весело улыбаясь, сказал он.— Я хотел бы напомнить, что два комплекта ульмотронов наши.

— В порядке очереди, Карл,— буркнул Матвей.

— В порядке очереди мы первые,— сообщил юноша.

— Значит, вы получите первыми.— Матвей все время смотрел на Постышеву, сохраняя вид свирепый и неприступный.

— Простите еще раз, Матвей Сергеевич, но нас очень беспокоит поведение группы Форстера. Я видел, что они уже выслали на космодром свой грузовик...

— Не беспокойтесь, Карл,— сказал Матвей. Он не удержался и расплылся в улыбке.— Ты только полюбуйся, Леонид! Пришел и ябедничает! Кто? Гофман! На кого? На учителя своего — Форстера! Ступайте, ступайте, Карл! Никто не получит вне очереди!

— Спасибо, Матвей Сергеевич,— сказал Гофман.— Мы с Маляевым очень на вас рассчитываем.

— Он с Маляевым! — сказал директор, поднимая глаза к потолку.

Экран погас и через мгновение вспыхнул снова. Пожилой угрюмый человек в темных очках с какими-то приспособлениями на оправе прогудел недовольно:

– Матвей, я хотел бы уточнить относительно ульмотронов...

– Ульмотроны в порядке очереди, – сказал Матвей.

Брюнетка томно вздохнула, зорко поглядела на Марка и с покорным видом присела на край кресла.

– Нам полагается вне очереди, – сказал человек в очках.

– Значит, вы получите вне очереди, – сказал Матвей. – Существует очередь внеочередников, и ты там восьмым...

Брюнетка, грациозно изогнувшись, принялась рассматривать дырку на шортах, затем, послунив палец, стерла сажу с локтя.

– Одну минуточку, Постышева, – сказал Матвей и наклонился к микрофону. – Внимание, Радуга! Говорит директор. Распределение ульмотронов, прибывших на звездолете «Тариэль», будет производиться по спискам, утвержденным в Совете, и никаких исключений делаться не будет. Так вот, Постышева... Вызвал я тебя для того, чтобы сказать, что ты мне надоела. Я был мягок... Да, да, я был терпелив. Я сносил все. Ты не можешь упрекнуть меня в жестокости. Но честная Радуга! Есть же предел всему! Одним словом, передай Галкину, что я отстранил тебя от работы и с первым же звездолетом отправляю тебя на Землю.

Огромные прекрасные глаза Постышевой немедленно наполнились слезами. Марк скорбно покачал головой, Горбовский пригорюнился. Директор, выпятив челюсть, смотрел на Постышеву.

– И поздно теперь плакать, Александра, – сказал он. – Плакать надо было раньше. Вместе с нами.

В кабинет вошла хорошенькая женщина в плиссированной юбке и легкой кофточке. Она была подстрижена под мальчика, русая челка падала ей на глаза.

– Хэлло! – сказала она, приветливо улыбаясь. – Матвей, я не помешала вам? О! – Она заметила Постышеву. – Что такое? Мы плачем? – Она обняла Постышеву за плечи и прижала ее голову к груди. – Матвей, это вы? Как не стыдно! Вероятно, вы были грубы. Иногда вы бываете невыносимы!

Директор пошевелил усами.

– Доброе утро, Джина, – сказал он. – Отпустите Постышеву, она наказана. Она тяжело оскорбила Канэко, и она украла энергию...

– Какой вздор! – воскликнула Джина. – Успокойся, девочка! Какие слова: «украла», «оскорбила», «энергия»! У кого она украла энергию? Ведь не у Детского же! Не все ли равно, кто из физиков тратит энергию – Аля Постышева или этот ужасный Ламондуа!

Директор величественно поднялся.

– Леонид, Марк, – сказал он. – Это Джина Пикбридж, старший биолог Радуги. Джина, это Леонид Горбовский и Марк Валькенштейн, звездолетчики.

Звездолетчики встали.

– Хэлло, – сказала Джина. – Нет, я не хочу с вами знакомиться... Почему вы – двое здоровых красивых мужчин – так равнодушны? Как вы можете сидеть и смотреть на плачущую девочку?

– Мы не равнодушны! – запротестовал Марк. Горбовский с изумлением посмотрел на него. – Мы как раз хотели вмешаться...

– Так вмешивайтесь же! Вмешивайтесь! – сказала Джина.

– Ну знаете, товарищи! – загремел директор. – Мне это совсем не нравится! Постышева, вы свободны. Идите, идите... В чем дело, Джина? Отпустите Постышеву и изложите ваше дело... Ну, вот видите, она вам всю кофту заревела. Постышева, идите, я вам сказал!

Постышева встала и, закрыв лицо ладонями, вышла. Марк вопросительно посмотрел на Джину.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.